

Бадри

1

«17 убитых, более сотни раненых (16 - тяжело) - таков итог вчерашнего теракта в Тель-Авиве, самого кровавого за последние девять месяцев. Боевик-камикадзе около полуночи взорвал бомбу у входа в популярный у русскоязычных израильтян клуб "Паша". Время было выбрано очень расчётливо: за несколько минут до открытия дискотеки, когда у дверей собралась толпа молодёжи. Очевидцы говорят, что к очереди пристроился мужчина, и привёл в действие механизм, спрятанный под одеждой. Как оказалось потом, бомбы на теле смертника были начинены гвоздями и кусками металла - для того, чтобы причинить максимальный ущерб, - передаёт ВВС.

Ответственность за акцию взяла на себя группировка "Исламский Джихад", однако позже группировка "Хамас" выступила с аналогичным заявлением. "Хамас" добавляет, что в её распоряжении есть ещё как минимум пять камикадзе, которые готовы повторить нечто подобное в любое время».

- Мы взорвёмся. Мы все к чёртовой матери взорвёмся, - тихо, но внятно произнёс Бадри, воздев к небу свои чёрные, как смоль, грустные семитские глаза.

На экране замелькали кадры – снятые на чей-то мобильник результаты трагедии. Изувеченные взрывом трупы, страшно кричащая окровавленная девушка с болтающейся на куске мяса оторванной рукой...

Центр опустел – время вечернее. Остались только они – преподаватель иврита Саша, охранник Славик, Додик со Светой и неразлучная тройца – Соня, Кирилл и Бадри. Сидели, вжавшись в диван и друг в друга, смотрели экстренный

выпуск новостей.

- С-суки, - сквозь зубы проскрежетал здоровяк Додик с искажённым от горя и бешенства лицом. - Твари!

- Ничего, - угрюмо буркнул Славик. – Скоро наши войдут в Южный Ливан - мокрого места от этих ублюдков не останется.

- От всех до единого, - добавил Саша. – Давно пора!

- Да... - тяжело вздохнул Бадри. – Войдут... если уже не вошли...

Быстро и виновато переглянулись. Сонька вскочила, стала перед Бадри на корточки, схватила его за руки. Светка показала Додиду кулак, отчего лицо Додика сделалось вдруг по-детски беспомощным. Сашка схватился за голову. Кирилл встал, открыл карманный молитвенник, начал раскачиваться, как маятник, у окна. Славик вдруг засуетился:

- Ладно, засиделись уже. Политологи, блин... Давайте, собирайтесь. Мне Центр закрывать надо.

- Бадри, - тихо прошептала Света, - ты прости их, придурков. Вечно что-то ляпнут, не подумав.

- Нет, - Бадри словно очнулся от полудрёмы. – Они не придурки. Они евреи...

2

Сонька и Кирилл были студентами медицинского. С первого курса Кирилл старался оказывать ей всяческие знаки внимания. Соньке было смешно, что ею, заурядной периферийной девчонкой, заинтересовался этот мажорный профессорский сынок, из приличной еврейской семьи, киевлянин в четвёртом поколении. Причём, если бы флирт или мимолётное увлечение – оно понятно: с кем не бывает? Увлёкся парнишка, экзотики захотелось. Так нет же: всё основательно. Кипá на голове, по субботам на занятия ни ногой, по вечерам в пятницу – на молитву в синагогу. Да и знаки внимания заключались, в чём бы вы думали? В

постоянных приглашениях в синагогу на молитву, да в родительский дом, на встречу Царицы-Субботы, в лоно семьи, так сказать.

Соньку всё это смешило ещё и потому, что Кирилл был первым в её жизни знакомым евреем. Когда он впервые подошёл к ней в универе, предложил после пар пройтись, она окинула его критическим взглядом и, глядя на этот странный головной убор (Соня тогда ещё не знала, что такое кипá), сказала:

- Ты бы хоть тюбетейку свою снял! В помещении всё-таки находишься.

После чего Соня выслушала лекцию о кипé, мезу́зе, Святой Субботе и других неотъемлемых атрибутах верующего еврея, и впервые была приглашена в синагогу.

Всё это ей показалось скорее забавным, чем интересным, она посмеялась над наивным мальчиком и сказала, что настоящий мужчина должен быть упрямым, нагловатым и напористым. И, что, по крайней мере, на первое свидание девушек принято приглашать в другие места.

Но Кирилл по-своему был напористым. Он приносил Соне соответствующую литературу, терпеливо пытался рассказывать о еврейских праздниках, на Хáнуку угощал картофельниками, на Пéсах – мацой.

- Кирилл, тебе ж еврейка нужна, а ты связался с последней гойкой! – веселилась Сонька. – Зачем я тебе такая?

- А ты пойдёшь на курсы иудаизма и примешь гиюр.

- Кого и куда приму?

- Гиюр – это процедура посвящения нееврея в иудаизм, - со свойственной ему терпеливой обстоятельностью начинал объяснять Кирилл.

- Подожди... Ты что, хочешь обратить меня в еврейство? – Соня делала большие глаза.

- Ну да! – радостно кивал Кирилл. – Иначе я не смогу на тебе

жениться.

- А зачем... тебе на мне женится? – Соня изумлялась всё больше.

- Чтобы создать с тобой крепкую еврейскую семью! – радостно заключил Кирилл.

- М-да... ну, тебе ещё понятно... А мне твоя крепкая еврейская семья – на хрена?!

Она категорически отказывалась принимать его приглашения, поэтому подобные диалоги проходили чаще всего в телефонном режиме, в те периоды жизни, когда Сонька уставала от обычных своих встреч, ухажёров, клубов и бурных ночных пьянок в студенческой общаге. Тогда она сама ему звонила: «Кирилл, расскажи что-нибудь... так приятно иногда умного человека послушать...» И он с удовольствием рассказывал, и никогда не обижался на неё. И по-прежнему предлагал создать с ним крепкую еврейскую семью. А она в ответ смеялась, и однажды заявила:

- Кирюша, только если в мире вымрут все мужики, я подумаю над твоим предложением!

... А когда, спустя шесть лет, они закончили универ и ординатуру, и Кирилл стал подающим надежды хирургом, она вдруг прибежала к нему.

После тяжёлой субботней ночи, проведенной в операционной, он сидел на ступеньках перед дверью своей квартиры, замёрзший, сонный, измученный, терпеливо дожидался рассвета, чтобы родителей не будить (ключи дома забыл!)

- Кирилл, - выдохнула Сонька. – Давай с тобой создадим крепкую еврейскую семью!

Он, как спросонья, посмотрел на неё и, сверкая трёхдневной небритой щетиной, задумчиво изрёк в полутьму:

- Ни фиги себе неделя начинается...

- Нет, - Бадри словно очнулся от полудрёмы. – Они не придурки. Они евреи...

- Задушу... задушу, бестолочь! – зашипела миниатюрная Светка на верзилу Додика.

- Све-е-етик, - жалобно заблеял Додик. – Я же не нарочно... я не подумал...

- А ты никогда и ни о чём... кроме своих турниров, не думаешь! Перед ним вот извиняйся!

- Бадрии! – залебезил Додик. – Ну, Бааадрии! Прости меня, пожалуйста!

- Бадри-шмадри! – сердито пробурчал Бадри. – Ладно, проехали.

- Бадри, - встрепенулся Саша. – Ты это... у тебя ж предки на юге?

- На юге, - вздохнул Бадри. Южный Ливан... только недавно дом построили... сестра младшая... деревня - ближайшая к двадцатикилометровой зоне. У них в деревне ООНовцы стоят...

- Хреново, - задумчиво подытожил Саша. – Слушай, может, пока заваруха не началась, их как-то сюда, ну, хотя бы на время?..

- Да, - зло усмехнулся Бадри. - Через Еврейское Агентство Сохнут. Можно прямо в Израиль... на танке...

- А ты в зеркало смотрел?! – Кирилл вдруг отлип от молитвенника, подскочил к Бадри.

- Не понял? – с едва уловимым акцентом спросил Бадри, сопровождая свой вопрос обычным взглядом, полным семитской скорби.

- Я спрашиваю, ты в зеркало на рожу свою смотрел? – повторил Кирилл. – Ты кто, бурят? Чукча? Или, может, татаро-монгол?

- Изя, я Вас умоляю... - слабо улыбнулся Бадри. Как здорово он перенимает эти подольско-одесские интонации! – У мене есть паспорт!

- Бадри-джян! – ввернула Соня. – Бить будут по морде, а не по паспорту. Ты тут такой же маланец как мы, так что сиди и не выделяйся!

Бадри улыбнулся:

- Я вспомнил... вспомнил как будет Сохнут по-чешски. В пражский Сохнут передачу заносил знакомой одной. Я позвонил туда... Мне ответили: «Жидовскá агэнтурa, добри дэн!»

4

У Бадри с Сонькой случился бурный роман, когда она училась на третьем курсе. Познакомились в ночном клубе, танцевали, пили... Потом Бадри спросил:

- В баню мыться пойдём?

- Ты чё, охренел? – искренне изумилась Сонька. – Какие-то вы все, мужики, недоделанные: один в синагогу тащит, другой через пятнадцать минут знакомства в баню затащить норовит... Чего-нибудь среднего у вас не бывает?

- Среднего? – просветлел Бадри. – Хорошо. Как насчёт покататься по ночному городу?

- О, это другое дело! Романтика какая-никакая! – обрадовалась Сонька.

- Ага! – лукаво подмигнул Бадри. – Работает русская половица: «Не мытьём, так кáтаньем!»

После этого ночного «кáтанья» Сонька поехала к Бадри, да так у него и осталась. Потом и вещи из общаги перевезла...

Соньку жутко заводила прямо-таки комическая необычность ситуации. Бадри был из Ливана, но не араб, а друз. Он не любил, подобно Кириллу, рассказывать о

постулатах своей веры, приобщать к ней Соньку. Вообще, о себе он говорил мало и неохотно. Но того, что Сонька знала о нём, было вполне достаточно.

Бадри был боевым офицером, участвовал в вооружённом конфликте между Ливаном и Израилем, естественно, на стороне Ливана. За боевые заслуги (какие – он не уточнял) получил награду и по окончании войны был направлен на обучение в Европу. В Киеве жизнь была недорогой и, по отзывам его соотечественников, обучение – достаточно качественным. Так Бадри стал студентом университета инженеров гражданской авиации, а потом и вовсе, что называется, ассимилировался – выучил русский язык почти как родной, получил вид на жительство и жил довольно неплохо, занимаясь ресторанным бизнесом. О возвращении обратно не помышлял, ездил только в гости – к родителям и сестре, в Южный Ливан.

Жениться на Соньке он не мог – родители бы никогда не дали согласия на этот брак, да и, кроме того, по одному из постулатов друзской религии, если друз женится на иноверке, он автоматически перестаёт быть другом. А Бадри настолько радикально жизнь свою менять не собирался. Соньку это нисколько не смущало, её всё устраивало, замуж она не рвалась («для этих целей есть Кирилл с его гиёром и еврейской семейкой», - весело решила она). Но, движимая своим авантюрным нравом и жаждой приключений, Соня, сначала втайне, а потом и явно, начала мечтать о знакомстве Кирилла с Бадри, а впоследствии и об умопомрачительном тройственном союзе с двумя любящими её мужчинами – верующим евреем и ливанским боевым офицером...

Мечты, как известно, иногда имеют свойство материализовываться...

Однажды Сонька позвонила Кириллу:

- Кирюша, твой звёздный час пришёл: я приглашаю тебя на свидание!
- В синагогу? – просиял Кирилл; дело было как раз в пятницу вечером.
- Нет, сионист несчастный! Я приглашаю тебя к нам с Бадри. У нас и встретим шаббат.

Надо сказать, что Кирилл о Бадри знал, правда, далеко не всё. Он знал, что они живут вместе, что у них роман... Но он ничего не знал об офицерской карьере Бадри и о стране его, так сказать, исхода...

К роману Соньки с Бадри Кирилл отнёсся в свойственной ему манере, сдержанно и по-философски: ну живут себе, ну, допустим, секс у них хороший, и что? Он даже как-то, по тайным каббалистическим знакам вычислил: жить вместе они будут три года. Однажды он поделился этим с Сонькой, она долго смеялась, а потом, приглашая его в гости на первую, а впоследствии на вторую годовщину их знакомства с Бадри, она говорила так: «Приглашаю тебя на вторую годовщину до дня нашего развода», потом – «на первую». А третье приглашение не состоялось – Кирилл ошибся в подсчётах всего на несколько дней...

Итак, произошла обещанная встреча шаббата - Кирилл завалился со свечами, книгой Торы, кошерным вином и мацой (дело было к празднику Пёсах). Взглянув на Бадри, он несказанно обрадовался – его ввели в заблуждение типичная семитская внешность Бадри, нос с горбинкой, большие грустные глаза и лёгкий акцент, который Кирилл легко принял за акцент местечкового еврея.

Кирилл одел кипу на себя, другую нахлобучил на вошедшего в полный ступор Бадри (Сонька несколько раз сбегала в туалет, чтобы подавить приступы истерического хохота). Бадри, следуя давнишней восточной традиции гостеприимства, не проронил ни слова, выдавливал из себя

широкую дружескую улыбку хлебосольного хозяина, вынужден был повторять вслед за Кириллом слова молитвы на освящение вина и мацы, а потом ещё был ввязан в беседу на тему «За что нас не любят арабы?». И уже перед уходом, Кирилл окончательно добил его, спросив, почему он ещё не выучил иврит, не соблюдает еврейских традиций и почему он до сих пор не в Израиле. Он ушёл, предварительно взяв обещание с впавшего в состояние глубокой прострации хозяина дома (которое Кирилл расценил, как благоговение перед открывшимися перспективами приобщиться к таинству иудаизма), встретиться на пятничной службе в синагоге.

После его ухода Бадри, исполнив свой последний долг радушного хозяина перед желанным гостем (помахал рукой из окна и убедился, что Кирилл завернул за угол), со свойственной восточному человеку горячностью, швырнул на пол поднос с чайным сервизом, разбил о косяк двери бутылку с недопитым кошерным вином, крепко выругался по-русски. Потом сел и глубоко грустит... Да так и просидел до конца вечера за столом, безысходно похрустывая мацой и приглаживая кипу на голове, о которой, видимо, в порыве праведного гнева, совершенно забыл. Сонька не могла всего этого видеть и слышать – после ухода Кирилла приступ истерического хохота возобновился. Сперва она корчилась на диване, под звуки бьющегося сервиза, винные брызги и ругань Бадри, а потом, утомлённая, заснула сном праведницы...

Два дня они не разговаривали – Сонька потому, что когда смотрела на его несчастную (действительно еврейскую! – как она этого не замечала раньше?!) физиономию, не могла сдержать хохот, а он - потому что чувствовал себя обиженным на весь мир.

А на третий день Бадри вдруг мрачно спросил:

- Слышишь, Сонья... а вот в эту самую их... синагогу... шапка

одевается такая же, как он мне дал, или другая нужна?

Сонька передёрнула плечами:

- А тебе какая разница? Ты туда, что ли, собрался?

- Так я ему обещал, - развёл руками Бадри.

Сонька опешила.

- Бадри, ты чё? Ты ж хозяин слова: захотел - дал, захотел - взял обратно.

- Нет, я обещал, не могу, - чуть не плача, пролепетал Бадри.

Так впервые Бадри оказался в синагоге...

Кирилл, как собака-поводырь, водил Бадри за собой, всё ему рассказывая и всё объясняя.

- А это мой учитель, рав Мендель, - сказал он, подводя Бадри к крупному седовласому раввину, в большой хасидской шляпе.

- Очень приятно, - пролепетал совершенно расстроенный и потерянный Бадри.

- Как? – спросил рав. – Повторите, пожалуйста, ещё раз!

- Очень приятно! – сказал Бадри громче, и его низкий приятный голос прозвучал неожиданно тепло и бархатно в стенах храма.

- Вау! – рав был приятно поражён. – Вот это да! Вы поёте?

- Да! – просветлел Бадри. Я люблю петь!

- И каков ваш репертуар?

- Солдатские песни, - явно стушевался Бадри.

- Ничего! - приободрил его рав. – С сегодняшнего дня ваш репертуар явно расширится.

...и через несколько минут в синагоге зазвучал баритон нового «кантора», певшего с русской транслитерации:

- Барух, ато адойнай элоэйн, мэлэх аойлум!..¹

Молодой человек, - сказал рав по окончании молитвы (ибо имя «Бадри» ему просто не давалось), - я беру с вас

---

¹ Благословен ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной! (слова молитвы)

слово, что мы будем видеться каждый шаббат, потому что какая без вас теперь молитва?..

Как мы знаем, Бадри никогда не нарушал данные им обещания...

После одной из вечерних молитв, к Бадри подошла старушка, представилась председателем комитета ветеранов войны и попросила провести субботнюю молитву на вечере памяти, посвящённом жертвам Холокоста. Следуя всё той же извечной восточной традиции, проповедующей выказывать безоговорочное уважение людям старшего возраста, Бадри пообещал прийти и, более того, получил благословение на это от рава Менделя, который со временем пообещал отправить Бадри на учёбу в Англию, в высшую школу раввинов...

Бадри имел лишь смутную информацию о Второй мировой войне, слово же «Холокост» - катастрофа мирового еврейства – вообще не говорило ему ни о чём.

Ликбез для Бадри провёл Кирилл, но это было ничто по сравнению с вечером памяти, на котором выступали бывшие узники концлагерей. А потом одна пожилая женщина рассказывала историю, каких много. Её мама укрывала в погребе еврейскую семью. Кто-то их выдал, и тогда все вместе вынуждены были бежать из села, и почти всю зиму провести в мусорной яме, питаясь тем, что удавалось украсть ночью... В воцарившейся тишине слышалось тяжёлое дыхание и всхлипы присутствующих, и вдруг прозвучала короткая реплика, которая ёмко выразила всеобщее настроение:

- Ой, вэйс мир!¹

Реплика принадлежала Бадри...

---

¹ Боже мой (*идиш*)

...Славик вдруг вскочил:

- *Ладно, засиделись уже. Политологи, блин... Давайте, собирайтесь. Мне Центр закрывать надо.*

Через минуту его голос прозвучал из коридора, перед лифтом:

- Бадри, можно тебя на минуту?

И когда они остались вдвоём, тихо и быстро заговорил:

- Слушай, ты... пока здесь не появляйся, ладно? Ну, пока разговоры, то да сё... Паспорта опять при входе у всех проверять будут.

Бадри, пожал плечами:

- Слава, у меня паспорт в порядке. Вот: Украина, временное гражданство. Продление...

- Ты не понимаешь... Если бы никто не знал, а то слишком многие знают.

- Знают только те, кто в этой комнате, Слава.

- А если кто-то из них стуканёт?

- Славик, ты, вообще, нормальный? – голова и плечи Додика возвышались над Славой, а в его глазах читалась готовность вцепиться бульдожьей хваткой. – Ты чего несёшь?

- Я не с тобой разговариваю, - буркнул Славик, не оборачиваясь.

- Так зато сейчас ты поговоришь со мной! - Додик за шиворот приподнял Славика и развернул его лицом к себе. – Ты знаешь, что за эти слова я с тобой сделаю?!

- Ты – со мной?! – завопил Слава. – Ты готов меня из-за этого...

- ... друга, - тихо подсказал Бадри. – Или араба. Вам же это всё равно...

На крики выскочили остальные. Славик уже трепыхался в медвежьих объятиях Додика, Сашка и Кирилл тщетно пытались их разнять. На этот раз Додик даже не реагировал

на тоненький голос Светы.

- Ладно, всё! Закончили разборки! – прогремел вдруг низкий, хорошо поставленный командирский голос Бадри.

Додик от неожиданности выпустил Славика, и вся компания застыла, ошалело глядя на Бадри – забыли, видимо, как он пел в синагоге... А может, просто никогда не думали, что его голос предназначен не только для пения еврейских молитв и псалмов...

Бадри, ростом чуть выше маленькой Светы, и почти такой же щуплый, как она, процедил, снизу вверх глядя на оторопевшего верзилу Додика:

- А в следующий раз вообще порву на хрен, если руки распускать будешь...

6

Соню начало напрягать постоянное отсутствие Бадри по вечерам в пятницу и частенько по субботам. Правда, возвращался он трезвым, женскими духами от него не пахло, следов помады на лице и одежде не наблюдалось... Но даже её бурная фантазия не могла нарисовать такого. Бадри ходит на еврейские молитвы, Бадри поёт в синагоге, Бадри выступает в клубе ветеранов. В качестве доказательства был Кирилл, который звонил теперь почти ежедневно и взахлёб рассказывал ей, как быстро Бадри адаптируется в новой среде, а потом они с Бадри подолгу висели на телефоне, что-то обсуждая. Причём, Бадри больше не выглядел усталым и разъярённым рабом своих обещаний. Ещё, в качестве доказательства еврейской идентификации Бадри, в его лексиконе стали появляться словечки из идиша, которые можно сейчас услышать только от евреев старшего поколения.

- Бадри, тебя уволят из твоего «Бейрута» (ресторан, в котором он работал), - говорила Соня, - когда узнают, чем и где ты

занимаешься вместо вечернего намаза... или как он там называется.

- Цем т́ухэс, - равнодушно пожимал плечами Бадри. Что в переводе на печатный русский означает примерно «Мне по барабану».

- Скоро рав Мендель командирует тебя в Англию, на учёбу. Раввином вернёшься! Скажи, ты о таком мечтал? – вопрошал его Кирилл.

- Пы́сты халóймэс! (Пустые мечты!) – скромно отмахивался Бадри.

А своего шефа в ресторане иначе как в сочетании с качественным прилагательным «поцоватый» он теперь не величал...

Короче говоря, Соне всё это надоело, и она решила воочию убедиться, чем Бадри занимается в своей синагоге. Увидев их вместе, рав Мендель руки потёр: вот и шид́ух¹ привалил! Вызвался быть шáдхеном², а как узнал, что Соня не еврейка, пообещал с ги́юром помочь...

В общем, Соня тоже втянулась. Начала с Бадри ходить. Атмосфера приятная, необычная, много молодёжи, все нарядные. Бадри поёт – заслушаться можно (новое качество, которое она в нём обнаружила).

В синагоге познакомились с известным эрудитом, чрезвычайно вспыльчивым Додиком и его подружкой Светой, с учителем иврита Сашей... Так и подружились.

Потом как-то договорились с Додиком и Светой пойти к Саше иврит учить в Центр. Забыли Бадри предупредить, что паспорт с собой нужно взять. Приходят – а там, как назло, новый охранник, никого не знает.

- Вы куда? – спрашивает.

---

¹ Сватовство (*иврит*)

² Сватом (*иврит*)

- Иврит учить, - обезоруживающе улыбаясь, сообщил Бадри.
Охранник в его сторону даже не посмотрел:
- Вас я не спрашиваю. С вашей внешностью и так всё ясно. Проходите. А вот вы, - обращаясь к остальным, - приготовьте паспорта для проверки!
- Дык... - прогундосил Саша, - какие паспорта? Мы отродясь их с собой не брали. Нас тут каждая муха в лицо знает.
- Каждая муха знает, а я понятия не имею, кто вы такие. Принесёте паспорта, тогда и пройдёте! – был ответ.
И тут завёлся Додик:
- Ты куда того пацана пропустил (указывая на Бадри), на иврит?
- Ну?..
- Баранки гну! А этого не пустил, да? (указывая на Сашу) А чего тот будет делать без этого?
- Что? – не понял охранник.
- Чирь в чело! Ученика, блин, без паспорта пускает, а учителя, значит, на фиг с пляжа?
- Так у него ж на лбу не написано, что он учитель, - растерялся охранник. – А вы куда? – тут же оживился он, преграждая путь всей честной компании, двинувшей следом за Сашей.
- А мы – туда! – отстранил его Додик. – Между прочим, если б не я, урока бы не было! Ты бы учителя не пустил, понял? Так что посторонись!..
Охранник растерянно смотрел им вслед. Как выяснилось потом, его звали Славик...

Бадри радостно потирал руки:

- Теперь я понимаю, что значит дискриминация по национальному признаку! – шепнул он Соне. Знаешь, почему меня пустили, а вас – не захотели?
- Почему? – так же шёпотом осведомилась она.
- Потому что вы – евреи!
- Так я ж нет! – удивилась Соня.

- Поздно! – заверил Бадри. – Теперь и ты уже – да!

Весь урок Бадри, вперемешку с записываемым алфавитом, сочувственно выслушивал исповедь одной старушки, которая всё никак не могла решить для себя извечный гамлетовский вопрос «ехать» или «не ехать». Исповедь сводилась примерно к следующему: если ехать, то куда? и чем там заниматься? и как выучить этот язык? А если не ехать, то чем тут заниматься? и как выживать на эту пенсию? Потом наступила кульминация, когда, в конце занятия, Бадри почувствовал, что именно от него во многом зависит решение данного вопроса. Оценив всю ответственность возложенной на него миссии, Бадри глубоко задумался, даже прикрыл на секунду глаза, а потом важно изрёк: «Надо ехать!»

А потом, когда вышли из Центра, было довольно холодно и поздно.

- Молодые люди, надо ехать! – окликнул их стоявший на стоянке таксист.

- Вы совершенно правы, ехать надо! – ответил ему Бадри.

- Тогда прошу! – таксист услужливо открыл дверцы машины.

- Нет, - уточнил Бадри. – Я в глобальном смысле...

Додик был заядлым игроком в «Что? Где? Когда?» Всё время он пытался сколотить команду – в Центре часто проходили турниры знатоков-эрудитов. Но как-то постоянно Додика постигало разочарование – то люди необязательные собирались (договаривались о тренировке, а половина народу не приходила), то инертные какие-то, то проблемы с интеллектом... После знакомства с Бадри дело резко пошло в гору – Бадри, Кирилл, Соня, Додик, Светка и Саша объединились в команду, потом ещё Славика пригласили... В первой же игре, Бадри, ответив на супервопрос, принёс команде победу. Вопрос звучал так: «В какой русской

пословице объясняется, почему древний еврейский обряд брит-милá (обрезание) совершается именно на седьмой день?» Интенсивный курс русского языка в первый год приезда, а также уроки рава Менделя в синагоге даром не прошли, и Бадри выдал единственно правильный ответ: «Семь раз отмерь, один - отрежь!»

7

Был у Саши школьный друг Иван Тарасович. А называли его так потому, что дорос Иван Тарасович, аж до замминистра в Украине. А ещё потому, что, заняв вышеуказанный пост, вспомнил, что прабабушка по троюродной сестре его матери была наполовину еврейка, следовательно, он тоже может (и хочет!) считаться евреем. Ну вот и имя-отчество соответствующее – Иван Тарасович!.. И начал Иван Тарасович терроризировать Сашу: научи, говорит, по старой дружбе ивриту! Даже песни и отрывки из Торы выписывать пытался! А потом, когда понял, что времени для этого нет, подошёл с другого бока: хочу, говорит, праздновать еврейские праздники! Какой там ближайший, Йом Кипур? Отлично! Идём, говорит, Саня, в кабак!

Саша ему терпеливо объяснил, что Йом Кипур – это Судный день, и в этот день надо только поститься и молиться. Иван Тарасович слушал и понимающе кивал. «Хорошо, - говорит. - А после можно?» «После – пожалуйста», - ответил Саша.

Сказано – сделано. Познакомился Иван Тарасович с менеджером ресторана «Бейрут», с Бадри, то бишь. Через того же Сашу, естественно. Саша, конечно, предупреждал Бадри: ты там следи за ним, как бы чего не начудил. Но за всем разве уследишь? Деятельным мужичком оказался этот Иван Тарасович!

Сперва, конечно, всё было чинно – столик для всей

компании заказал. С кошерными продуктами проблемы не было – ресторан-то всё-таки ближневосточный. Но потом подошёл к ребятам из ресторанного оркестра, долго их там науськивал, конвертируемую валюту совал. После чего присел за столик, весьма довольный собой. А за соседним столиком сидели три генерала сирийской армии, одетые по полной форме. Ивана Тарасовича сей факт, естественно, не смутил нисколечко. И через пять минут, радостно потирая руки, он подмигнул одному из музыкантов. Оркестр начал играть и петь на иврите Адón Олám (Владыка Мира) - рифмованный литургический гимн, прославляющий вечность и единство Бога и выражающий веру в провидение Божие. Сирийские генералы исчезли, как растворились. Остальная публика (тоже, в большинстве своём, ближневосточная) подозрительно переглядывалась и посматривала на компанию туземцев и примкнувшего к ней Бадри. Кстати, вся компания есть и пить уже не могла. Сидели и напряжённо ждали развязки. Только Бадри сохранял олимпийское спокойствие. Ел и пил, как ни в чём не бывало.

Директор ресторана, босс и земляк Бадри, долго ждать себя не заставил. Явился через пару минут с лицом цвета фирменной аджики ресторана.

- Бардак! – прошипел он бешеным шёпотом. И обратился непосредственно к Бадри: - Дахíллак, хабíби! Дирбáллак!¹
- Кíшен т́хэс, миш́игинэр коп² - приветливо улыбаясь, ласково ответил Бадри. – Драй папíр³.
- Ты что?! Соня пнула его ногой под столом. – А если он поймёт? Я вот немецкий учила, так всё поняла, что ты сказал!
- Не поймёт, - успокоил её Бадри. – Я тебе говорю: он

---

¹ Пожалуйста, дорогой мой, поосторожнее! (*арабский*)

² Поцелуй в задницу (*идиш*)

³ Подотри бумагой (*идиш*)

поцоватый. Гей кáкен!¹ – прокричал он вслед удаляющемуся боссу.

Потом, обращаясь ко всем, добавил:

- Те ещё музыканты, чтоб я так жил... Я этот гимн пел на шаббате, так это таки был Гимн! Кирилл не даст соврать.

На следующий день Бадри всё же не удержался, позвонил Ивану Тарасовичу, и заговорил с ним в новой, свойственной теперь ему манере:

- Поц, мама дома?

- Что? - не понял тот.

- Я же говорю - поц, - спокойно рассудил Бадри. – Мámэ лóйшен² не знает, а швѣцает³ по полной...

8

На праздник Пѣсах в Центр собралось много народу. Рав Мендель рассказал историю Исхода из Египта, провёл Пасхальный сэдэр⁴, а в конце сообщил, что желает отправить своего молодого друга и будущего преемника господина э... э... Бадрика...

- ... Хусейна, - механически подсказал поморщившийся от искажённого звучания своего имени Бадри.

- Да, да... Патрика Хусейна! – быстро исправил сам себя рав Мендель, - в высшую раввинскую школу, с тем, чтобы Пад... Бад... чтобы он вернулся к вам в должности раввина и духовного наставника.

- Хорошо, что Патрик Хусейн, а не Изя Иванов! – произнёс бас с галёрки.

И все дружно засмеялись.

---

¹ Иди какать! (*идиш*)

² родной язык (*идиш*)

³ создаёт видимость бурной деятельности, «делает волны» (*идиш*)

⁴ Пасхальная праздничная вечерняя трапеза (*иврит*)

- Вы знаете, - выдержав паузу, доверительно сообщил залу рав Мендель. – Я буквально сейчас понял, что ничего не знаю о своём подопечном, кроме того, что у него идёт нэшумэ¹ и чудесный голос. Поэтому сейчас давайте попросим этого скромного человека рассказать о себе!

Зал заёрзал, заплодировал, заулюлюкал – словом, настроение у публики было весьма игривое.

Бадри был одет классически – белый верх, чёрный низ, на голове кипá, - ни дать ни взять, начинающий раввин.

- Шалом алэйхем!² – приветствовал присутствующих Бадри, и зал взорвался новыми аплодисментами.

- Я расскажу вам свою историю, - дрогнувшим голосом начал он. – Потому что слишком далеко всё зашло. Я должен рассказать о себе правду... Короче, я не еврей. Вот так. Я – бывший офицер ливанской армии...

- О! – раздались реплики из зала. – Магометанский раввин! Наместник Насраллы³!

- Батрик, - промямлил вспотевший и возмущённый рав Мендель. – Это даже не Пúрим⁴, это Пёсах! И шутить здесь неуместно!

- Я не Бадрик и не Патрик, я Бадри! – несколько раздражённо сказал он. И я не шучу.

Соня отчаянно зашептала Кириллу на ухо:

- Кирюша, спасай! Сделай что-то! Или случится катастрофа!

Кирилл быстро оценил обстановку, в два прыжка оказался на сцене, выхватил микрофон у Бадри:

- Друзья, я вынужден объясниться... Произошло недоразумение. Бадри вчера узнал, что его хотят отправить в высшую школу раввинов, в Лондон. Он звонил мне и был

---

¹ еврейская душа (*идиш*)

² мир вам! (*иврит, идиш*)

³ Насралла́ Хасан – лидер террористической организации Хизбалла

⁴ еврейский праздник, один из атрибутов которого карнавальные костюмы

очень взволнован. Как человек исключительно скромный, он считает, что есть люди, гораздо более достойные этой участи...

- Бадри! Хотим Бадри! – слышались крики из зала.

- Вот и я думаю, что лучшей кандидатуры не существует! – торжественно произнёс Кирилл и патетически простёр длань в направлении Бадри. – Только его ещё надо убедить, потому что он пока не готов! Мы проведём с ним соответствующую беседу...

- Азóхн вэй¹ и танки наши быстры! – грустно прозвучал за спиной Кирилла голос Бадри. Кирилл на мгновение повернулся, и увидел непередаваемую тоску в больших семитских глазах Бадри.

- Так! Теперь, когда мы здесь одни, я хочу попытаться понять, что ты такое морозил! – они впервые видели, что Кирилл тоже умеет кипеть от возмущения. – Ты понимаешь, рав Мендель – пожилой человек, у него большое сердце, ему не до шуток! Он ищет себе преемника. И всерьёз рассчитывает на тебя. А ты пургу какую-то начинаешь гнать. Хусейн, офицер Ливанской армии. Не смешно, Бадри, понимаешь?

- Всё? Выступил? – спокойно-насмешливо спросил Бадри. – Теперь вы меня послушайте. Послушайте все!

Соня вдруг рухнула на колени, прижалась к Бадри.

- Не надо. Не говори ничего. Пошли домой. Пожалуйста, Бадри!

- Не говорить? Но они же друзья? А друзьям нельзя не говорить.

- Бадри!..

- Соня, ты со мной, и всё нормально. Я скажу. Я, вообще-то,

---

¹ о, боже (*идиш*)

уже сказал. Я Бадри Хусейн ибн Рахул. Друг по национальности. Я – бывший офицер ливанской армии. За боевые заслуги в конфликте с Израилем был награждён и отправлен сюда на учёбу. Что ещё? Я не шпион. Не террорист. Если что-то интересует, – спрашивайте.

С этими словами он предъявил ошеломлённой компании соответствующий документ на арабском и английском языках.

...первым очнулся Додик.

- Ах ты, тварь поганая! Да я!.. Да тебя убить мало! Да я тебя сейчас как последнюю гниду ...

- Додииик! – завывала Соня, сильнее обхватив Бадри за ноги, но тот сам мягко отстранился.

- Да, - грустно улыбнулся он. – Я тварь поганая и убить меня мало. Я расскажу тебе, как это сделать.

- Ты мне мозги не пудри!

- А я не пудрю, - спокойно сказал Бадри и расставил ноги. – Бей в пах. У меня там осколочное ранение, ещё с той войны. Врачи предупреждали: разойдутся какие-то швы, и всё, конец. Так что не тяни. Бей.

- Прекратите этот цирк!! Немедленно!!! – Света пришла в себя и оказалась возле Додика. – Додик! Идём домой!! Сейчас же!!!

- Да! – закопошился Славик. – Вечно засиживаетесь тут. Расходимся по домам!

- И что? – спросил оторопевший Бадри, прижимая к себе заплаканную дрожащую Соню. – Вы вот так сейчас и уйдёте? Десять минут назад вы меня любили за то, что я был евреем, пел в синагоге... а теперь я друг, офицер вражеской армии. И я вам больше не нужен. Вы даже убить меня не хотите...

- Вы хотите услышать о той войне? – грустно спросил Бадри.

- Да, - тихо попросил Додик, - расскажи, пожалуйста!

- Бадри, тебе чай сделать? – спросил Славик.

- Слава, не называй больше в моём присутствии этот пýшерц¹ чаем! Если ты хочешь пить настоящий чай, приходи к нам в гости, попробуешь... Так на чём я остановился?

- Ты собрался рассказать нам про войну, - напомнила Света.

На ковре лежали вповалку. Соня и Додик с двух сторон прикрывали собой Бадри, словно боялись, что его кто-то может попытаться похитить...

- Вы смелые ребята, - задумчиво протянул Бадри. – Такое не каждый захочет слушать.

- Мы просто хотим знать о тебе всё, - сказал Саша.

- Да... это может быть даже больше, чем, когда, например, ревнивый любовник выспрашивает у своей партнёрши, с кем она была до него, и ещё интересуется подробностями... Ну, ладно. Это всё другое. Ничего не было. Почти нечего рассказывать, понимаете? Стреляли по нам, мы стреляли в ответ... Кто в кого стрелял, кто это может знать?

Когда ты родился в глухом селе, куда сослали твоего отца – учителя - за то, что он что-то о ком-то сказал... И нищетой это назвать нельзя... Ну, был же свой дом... сейчас вот, кстати, новый есть. Но как-то на грани всё время... Родители из кожи вон лезут, чтобы мы с сестрой могли учиться. Из-за постоянных бомбёжек то свет пропадает (если в электростанцию бомба попадёт), то дома горят, то люди гибнут. И как разберёшься – кто виноват? и почему? Как и в чём вообще можно разобраться на Ближнем Востоке? Те правы, а эти нет? Те сволочи, а эти ангелы? Так в жизни

---

¹ моча (*идиш*)

бывает?.. Вот нам и внушали мысль: есть враг, и надо с ним бороться. Я вырос, родители состарились. И выбора у меня не было: сестру ещё надо поднимать, доучивать. На мою учёбу в университете денег уже не было. Надо идти в армию – там и зарплата, и оденут, и обуют. Могут, правда, и убить, ну так зато семья компенсацию хорошую получит. Вот я и пошёл. Стрелял. Убивал? Не знаю. Специально – точно нет. Дважды был ранен, второй раз – тяжело, осколком в пах. Еле выкарабкался. За это комиссовали и наградили. Поехал учиться. Родители, дом, тоска, ностальгия... всё это есть. Но как вспомню Ближний Восток, и такая тоска берёт – ещё хуже, чем по дому. Тоска от мысли вернуться. Тоска от жестокости.

Знаете, я со многими фронтовиками здесь разговаривал. Так один ветеран признался, что медаль «За отвагу» на войне получил за трусость. Если не выбежишь вовремя из окопа с криком «За Родину! За Сталина!», тебя свои же, говорит, и пристрелят. Нас не пристреливали, но и назад дороги не было. Куда пойдёт дезертир? Без денег, без профессии? Опять на шею родителям, чтобы вся деревня тыкала пальцем – предатель, иждивенец... Нет, у нас мужчины гордые.

Ну так вот я и воевал, пока не контузило. Сейчас опять собьюсь... Просто вспомнился один эпизод. Из нашего взвода солдат сбежал. Сбежал, я думаю, потому что не выдержал. Сбежал к врагу. А куда ещё сбежать? То есть, получается, предатель. А враг его не принял. Его не расстреляли, нет. Его заперли в сарае, когда уходили из Ливана. Когда наша часть вошла в ту деревню, его в сарае нашли. Он на коленях валялся, пощады просил. Клялся делать всё, что от него потребуют, лишь бы ему жизнь оставили. Командир тогда поднял его с колен, обнял, как брата, велел напоить-накормить, в баню его отвести. Он там отмокал, раскаявшийся, счастливый... потом его там же, в бане, и

задушили... паром... а дверь заперли снаружи – чтобы выйти не смог...

Это был последний эпизод войны. Говорят, человек помнит в основном хорошее. А я не могу, наверно... Мне Ближний Восток таким и запомнился - жестоким, двуличным, непримиримым. Когда тебя обнимают, как брата, а потом заживо сжигают - паром... Я думаю, наш командир просто не смог тогда ему пулю в лоб всадить, смелости не хватило... ну, или жалко вдруг стало... А когда не видишь или кто-то за тебя это делает – вроде, легче... И на душе как-то спокойнее – это же не ты сделал...

А здесь – мне люди нравятся, понимаете... Я сначала боялся, всё призрак врага мне виделся... А потом стал евреем. Почему? Отношения... я это так себе всегда и представлял... все нарядно одетые, сытые, общие праздники для всех, общая радость... Многое из того, что проповедует наша религия.

Но есть одно, что я, как друг, нарушить не смогу никогда. Отступить от своей религии. И поэтому, когда мне предложили стать раввином, я должен был сказать правду...

Есть и ещё одна правда, я вам сейчас скажу... Только от меня вы можете это услышать...

Все сидели, не шелохнувшись, и боялись дышать... И в этой невероятной тишине отчётливо прозвучал тихий, низкий, бархатный голос Бадри, как на молитве:

- Учтите, Иисус Христос на самом деле был арабом...

10

- *Мы взорвёмся. Мы все к чёртовой матери взорвёмся, - тихо, но внятно произнёс Бадри, воздев к небу свои чёрные, как смоль, грустные семитские глаза. – Сначала смертник взорвал дискотеку. Потом Армия Израиля уничтожит тех, кто за ним стоял, а заодно и несколько*

десятков других людей, которые просто окажутся рядом. Потом они в отместку устроят очередной теракт... Кирилл, ты знаешь историю о том, как один еврей пятьдесят лет, изо дня в день, ходил к Стене Плача и молился, неистово молился... Как-то его спрашивают: «О чём это вы так молитесь?» Он говорит: «Чтобы на нашей земле наконец воцарился мир!» «И что? Какие у вас ощущения? Услышаны ваши молитвы?» «Ощущение, что я обращаюсь, как к стенке!»

- Я-то знаю эту историю, - вздохнул Кирилл. – Ты её откуда знаешь?

- Учителя хорошие были, - улыбнулся Бадри. – Я же чуть раввином не стал.

Бадри улетал домой, в Южный Ливан.

- Бадри, зачем? – плакала Соня. – Тебе со мной плохо?

- Нет, Соня, с тобой мне очень хорошо. Но там родители старые и сестра молодая... Их могут начать бомбить...

- Чем же ты им поможешь?

- Не знаю... увезу куда-нибудь... или просто буду рядом...

- Бадри, мы тут тебе принесли... - Додик со Светой стояли в обнимку, заплаканные, протягивали ему свёрток.

- Что это?

- Вот, посмотри. Это тарелка. На ней Иерусалим, Стена Плача.

- Спасибо, друзья... Давайте обнимемся. Уже объявили мой рейс.

- Саша, ты извини, что я иврит у тебя не выучил... у меня как-то идиш больше пошёл. Иврит, наверное, в Ливане буду учить...

- Кирилл, на два слова.

Они отошли в сторону.

- Славик придёт? – спросил Бадри.

- Нет, он сейчас занят отправкой рейса на Тель-Авив, в другом терминале... Он привет тебе передавал... Раву Менделю я

пока ничего не сказал.

- Да, придумай для него что-то... только сильно не ври. Но и правду не говори – всё равно не поверит... И ещё вот что: он тихонько достал свёрток с тарелкой. – Я, конечно, Додика люблю и уважаю, но он шлимазл тот ещё! Меня же с этой Стеной Плача из аэропорта в Бейруте отправят прямо в тюрьму!.. На, заberi себе! Только Додику со Светой не говори, - расстроятся. Давай договоримся так: это будет моя тарелка в твоём временном хранении.

- Хорошо, - пообещал Кирилл.

- И последнее... Береги Соню! – шепнул Бадри.

- Да... Ты вернёшься?

- Кто это знает? – вздохнул он.

Вместо эпилога

- Шалом, Соня!

- Бадри, милый, ты?..

- Тебя ещё кто-то называет Соня?

- Бадри, я так скучаю... Ты когда вернёшься?

- Я не вернусь, Соня...

- Почему?! Ты кого-то встретил?

- Не в этом дело, глупенькая... как бы это сказать тебе по телефону... я немножко начал здесь забывать русский... Я остаюсь в Южном Ливане. Должен быть в Южном Ливане хоть один еврей, понимаешь?.. Соня, улыбнись!

И она вдруг почувствовала его взгляд – больших тёмных глаз, с оттенком невыразимой семитской печали. И улыбнулась.

- Очень хорошо... Теперь пообещай мне одну вещь, Соня.

- Обещаю...

- Ты сейчас пойдёшь и выйдешь замуж за Кирилла. Прямо сейчас.

- Бадри, я...

- Я знаю, знаю всё, Соня. Он хороший парень. И любит тебя.

Почти так же сильно, как я.

- Бадри...

- Всё, Соня. И не плакать. Как вы там меня учили? «Москва слезам не верит». Иерусалим и Бейрут – тоже. Сначала сделай, потом можешь поплакать. Давай. Ты обещала.

...После тяжёлой субботней ночи, проведенной в операционной, он сидел на ступеньках перед дверью своей квартиры, замёрзший, сонный, измученный, терпеливо дожидался рассвета, чтобы родителей не будить (ключи дома забыл!).

- Кирилл, - выдохнула Сонька. – Давай с тобой создадим крепкую еврейскую семью!

Он, как спросонья, посмотрел на неё и, сверкая трёхдневной небритой щетиной, задумчиво изрёк в полутьму:

- Ни фиги себе неделя начинается...

2010

